

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

БАБУШКА

Николай Гарин-Михайловский
Бабушка

«Public Domain»

1904

Гарин-Михайловский Н. Г.

Бабушка / Н. Г. Гарин-Михайловский — «Public Domain», 1904

«Большое место. Больше остального города. И всё огорожено высоким кирпичным забором. Забор окрашен красной краской и разделан белыми полосками под кирпич. Главный дом в два этажа, такой же кирпичный и с такой же разделкой, выдвинулся и угрюмо смотрит сверху на город, большую реку, широкой стальной лентой теряющуюся в мглистой дали синих лесов. Ворота тяжёлые, с пудовыми скобами и с большими висячими замками. Калитка рядом. Она отворена и виден мощёный двор, кругом двора строения, – тяжёлые, прочные, все на замках. Дальше другой двор, где фабрика, ряд высоких труб, снуёт озабоченный народ, тянутся обозы кож – сырых, выделанных...»

© Гарин-Михайловский Н. Г., 1904

© Public Domain, 1904

Содержание

I	5
II	7
III	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Николай Гарин-Михайловский

Бабушка

I

Большое место. Больше остального города. И всё огорожено высоким кирпичным забором. Забор окрашен красной краской и разделан белыми полосками под кирпич. Главный дом в два этажа, такой же кирпичный и с такой же разделкой, выдвинулся и угрюмо смотрит сверху на город, большую реку, широкой стальной лентой теряющуюся в мгlistой дали синих лесов. Ворота тяжёлые, с пудовыми скобами и с большими висячими замками. Калитка рядом. Она отворена и виден мощёный двор, кругом двора строения, – тяжёлые, прочные, все на замках. Дальше другой двор, где фабрика, ряд высоких труб, снуёт озабоченный народ, тянутся обозы кож – сырых, выделанных.

Сама бабушка осмотр делает. Заглядывает во все закоулки. Остановится, спросит, выслушает, сделает замечание и – дальше.

Сзади бабушки тяжело шагает жёлтый, как тесто, и такой же сырой, внучек – Федя, двадцатидвухлетний парень. Глаза у него ласковые, задумчивые, шея короткая. Бабушка косится на него, на толпу приказчиков, идёт и думает свою заветную думу.

Внук не в бабушку. Шестьдесят лет ей, а стройна, как девушка, лицом суха, глаза большие, чёрные, голова повязана чёрным платком. И теперь красота видна, а в молодости первой красавицей на две большие реки, Волгу и Каму, слыла.

Что красота! Так умна бабушка, как и мужик редко бывает, и твёрдо ведёт большое, на пять губерний, кожевенное дело.

И ни одного худого слуха про бабушку не было и нет. Тверда в старинном благочестии, и без её воли не то что попа – архиерея не посадят.

Уезжала бабушка и целый месяц была в отлучке: внуку невесту искала.

Приехала, в бане помылась, в часовне обедню отстояла, завод теперь осматривает, обедать сядет, после обеда поспит, а потом за внуком пошлёт и объявит ему его судьбу.

Федя одет по городскому, идёт за бабушкой, добродушно посматривает на её старомодный костюм и угадывает, что-то скажет она ему.

Со вчерашней гульбы с приказчиками голова его тяжёлая, да и вообще неохота о чём-нибудь думать: пообедать да спать, а вечером, когда бабушка уляжется, – к ребятам... Эх, и весело же пожили без бабушки!

Подошли к дому, остановилась бабушка на крыльце, оглянула всех и сказала:

– Ну, хоть и не так-то в порядке, как надо бы, да Бог с вами на этот раз: приходите все обедать – икорки, да рыбки, да соленьев из далёкой страны привезла.

Весело загудела толпа, угадывая истину.

Старший приказчик сказал:

– Дай Бог, Анфиса Сидоровна, чтоб далёкая да чужая сторона – близкой да родной стала. Все весело смотрели на Федю; а он, как девушка, покраснел и глаза потупил.

И бабушка смотрела на него:

– Воля Божия...

Бабушка ушла, а по заводам молнией разнеслось: женят наследника. Свадьба, гулянье, женится, – дети пойдут, обеспечится дело, а с ним кусок хлеба тысячам.

Проснувшись после обеда, бабушка позвала не внука, а няню покойного своего сына.

В низкой комнате, с большой изразцовой печкой и лежанкой, с божницей во весь угол, со столом, покрытым скатертью, поверх которой стояли теперь самовар, сушки, крендели, –

пахло травами, лампадным маслом, свечами из чистого топлёного воска, – пахло стариной, миллионами, десятками миллионов.

– Ну, садись, слушай, – всё тебе выложу и суди меня: умно или глупо я сделала дело. Первым делом в Елабугу я поехала к сводному брату. Два дня погостила, – примечательного ничего, и дальше. Ну, словом, Каму изъездила, Вятку изъездила, Белую, – там-то и вовсе опустел народ, – тут в Перми заметила одну, хотела уж было к ней ехать, да всё слышу то тут, то там – про Кунгур мне шепчут...

– Коренного благочестия сторона, – вздохнула нянька.

– Дочь лесовика. И лесам счёту нет, и деньгам, и сама-то красавица писанная, и семья старого благочестия, хоть уж не очень так, не до дикости: дочка, как мой же, по городскому одевается. Бежим мы по Каме парохомом, – я уж, значит, порешила было в Пермь ехать, – снится мне сон, что в лесу я. Ели высокие, до неба, мохнатые, иду я, оглядываюсь, без дороги...

– Страсти-то какие! – снова вздохнула нянька.

– А ты слушай, то ли будет ещё... Вдруг прямо на меня медведь, – аграмадный, на задних лапах, прямо на меня. Хочу я крикнуть, нет голоса, а он навалился на меня, да мордой тычет в лицо, тычет, а морда мохнатая, да мягкая...

– Это к добру: это свой же домовый по тебе соскучился...

– А тут человеческим голосом, да как из ружья: Федю.

– Вещий сон...

– Ну, вот: пришла я в себя, стала соображать и проехала прямо в Кунгур... Ну, вот что я тебе скажу: живут проще нашего, а капиталов там, имущества не меньше, и одна, как перст Божий... Матрёна... Девка – не хуже, как я была...

– Ну, быть этого не может...

– Сама увидишь.

– И увижу, не поверю: не было и не будет красавицы против тебя...

– Ну, пустое толкуешь... Высокая, статная, коса, как канат якорный, шея длинная, кряжистая, лицом красавица, брови дугой, глаза серые, – диво, а не девка. В баню с ней ходила, всё высмотрела. Бёдра – во! Тройню и то не крякнет, родит... Ну, спеси маленько будет, нрав есть, да ведь я не такая ли была? Вахлаку-то нашему только польза. Так уж во всём роду ведётся: бабы верховодят. В одном только и верх их: и мать его, и я, и мужнина мать – ведь всё бабы какие? Шеи длинные, а перебить не можем их род: как ни уродится, опять шея короткая... глядишь: опять к тридцати пяти годам, когда только и жить бы, нальётся и лопнет, как гнилой пузырь.

– Бог милостив, – вздохнула нянька, – новая-то, может, и перебьёт... Вишь, медведь тебя мял, у себя в лесу – вроде того, что на свою линию перевернул дело...

– Дай Бог, дай Бог. Ну, что ж, как по твоему: хвалить или ругать меня надо?

– Ну, ругать... этакую умницу: какое дело сделала. И своего девать некуда, а тут столько же ещё, да и пава сама при том... И намучилась же, поди! устали тебе нет... по заводам пошла, туда, сюда: как молоденькая ровно... Фу, фу, чтоб не сглазить только...

II

Внук, хоть и знал, что бабка ему скажет, тем не менее известие так на него подействовало, что не захотел он и к ребятам идти, а прямо от бабки прошёл в свою светёлку, сел там у окна и задумался.

И знал он, что всё так и будет, и ждал, а как случилось, как будто и не ждал, и не гадал. Всё сразу переменялось, и он сам словно другой вдруг стал.

Солнце садиться хочет и точно остановилось вдруг, и всё остановилось, как и в нём, и сидит он и, неподвижный, смотрит, как блестит в огнях река, как загорелись прозрачные тучки в небе, как тихо стало и задумалось всё вместе с ним... Песню где-то запели... Где он слышал эту песню? Он сам играл её... Давно. Когда готовился и жил у учителя.

Только тогда, когда играл он её, был вечер. Весна была, цвели черёмуха, сирень. Окна были раскрыты. Темно было в комнате, только месяц светил. Он играл, а племянница учителя Паша стояла перед ним и слушала. Играл эту песню, а потом своё заиграл и всё смотрел ей в глаза, как в ноты, и играл.

Он умел играть, играл с детства: единственное его дарование.

Звуки лились, наполняли маленькую комнату, вырывались через открытые окна в сад, где стоял май; светлая пыль стояла над садом, и месяц сиял жгучий, такой жгучий, что будто таял вокруг него освещённый кусочек голубого неба.

Он перестал играть и стало тихо, так тихо, что слышно было, как билось его сердце... В саду щёлкал соловей, и, как пьяный, говорил он Паше:

– Хорошо ли играл я?

Паша тихо ответила:

– Хорошо.

Он ваял её руки, наклонил к ней лицо и ещё тише спросил:

– А меня любишь ты? Хочешь быть моей женой?

– Хочу, – шепнула Паша.

На другой день Федя с рассветом укатил в свою деревню и написал оттуда два письма: бабушке и Паше.

Бабушке он писал:

«Дражайшая бабушка, Анфиса Сидоровна! Уведомляю вас прежде всего, что молитвами вашими, слава Богу, нахожусь в добром здравии. Уехал же я в деревню и экзамена не держал, так как всю грудь мою разломило, и доктора стали даже опасаться чахотки и велели мне все науки бросить, если не желаю скорой смерти. Так, если за ученье надо в гроб ложиться, так лучше же хоть дураком, да жить на этом свете. А, впрочем, ежели вы непременно настаивать будете, то буду держать экзамены осенью. По хозяйству всё благополучно. Сидорыч орудует здорово и мужикам в обиду себя не даёт. Я тоже, как сумею, буду ему помогать. Нижайше кланяюсь вам и прошу вашего благословения и буду ждать здесь, в деревне, ваших дорогих писем. Вам известный внук ваш Фёдор Овчинников».

Второе письмо было к Паше. Там, между прочим, писал он: «Паша, я люблю тебя и ничего мне другого в жизни не надо. Я уже знаю, что и ты меня любишь. А любишь, так мы женимся и будем жить здесь в деревне. Ведь через два месяца исполнится мне 18 лет, и тогда я женюсь, и потом уж никакая бабушка ничего с нами поделать не может. Эти два месяца надо протянуть только: храни Бог, чтоб не узнала бабушка. Я для отвода написал уж ей письмо: вру там про чахотку и прочую канитель развожу насчёт ученья. Какое уж тут ученье. Паша, любимая моя, дорогая, когда телёнок кричит сейчас – мать зовёт, а земля зовёт, чтоб пахать её, а моё сердце зовёт тебя, а в сад выйду соловей спрашивает: „где Паша?“ С горя сяду играть и забуду всё».

Написав письма, он задумался и слушал, как блеяли овцы, мычали коровы, звонко кричали бабы и ребятишки, шумела весенняя вода по оврагам, пахло вспаханной землёй.

Он положил письма в конверт и отправил их.

И вот до сих пор никакого ответа от Паши. Как будто во сне всё это случилось.

Пропал и учитель, и Паша: как в воду канули. Ездил он к ним и в город: уехали... Уехали куда? Почему? Сначала болело сердце и плакал он, а потом изжилось. Бабушка не настаивала больше на учении, стала исподволь к делу приучать его; начал он с молодыми приказчиками гулять, – так и пошло всё своим чередом, день за днём, до сегодняшнего дня, до этой минуты, когда сидит он и смотрит в окно, как там за деревьями сада загорается вечерними огнями небо, сверкает красная, точно пожаром охваченная река, и стоят на далёкой горе одинокие, будто чёрные, деревья. Смотрит он и щемит сердце сладко и больно.

III

Свадьбу сыграли весёлую. Денег бабушка не пожалела и зажили молодые.

Даже нянька признала, что другой такой красавицы не сыщешь.

Не только нянька, весь город кричал о красоте молодой.

Её богатство, бриллианты, наряды ещё сильнее подчёркивали эту красоту. И везде она была желанной гостьей, щедрой благотворительницей, замкнутая в себе, загадочная. Рядом с нею шагал добродушный, толстый, молодой увалень, ниже её ростом – её муж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.